

Пролог

(1028 год)

Сейчас он еще мал, но он подрастет.

Герцог Роберт Нормандский
(афоризм)

На рыночной площади раздавался такой шум, перемежаемый криками и яростным торгом, что Герлева, с трудом переставляя ноги, заставила себя подойти к окну своей горницы и остановилась, глядя вниз сквозь щели в ивовых ставнях, закрывавших проем. В базарные дни в Фалез со всей округи стекались толпы людей. Здесь можно было встретить свободных землевладельцев с рабами, пригнавших на продажу свиней и крупный рогатый скот, смердов¹, торгующих яйцами и сыром, разложенными на холсте прямо на земле, сенешалей и дружинников важных лордов, рыцарских жен на смирных верховых лошадках, бюргеров из города и молоденьких девиц, сбившихся в стайки по четыре-пять человек; в их кошелях было мало серебра, однако они радостными восклицаниями приветствовали любую диковинку, попадавшуюся им на глаза.

Бродячие торговцы с вьючными лошадьми завлекали покупателей соблазнительными безделушками: брошами с аметистами и гранатами, костяными гребнями и серебряными зеркалами, отполированными до такого блеска, что в них с легкостью можно было увидеть свое отражение, как если бы вы посмотрелись в ручей, текущий у подножия замка. Здесь были лотки, заваленные свечами, маслом и втираниями,

---

¹ Смерд (серв) (ист.) — крепостной крестьянин, холоп. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

восточными пряностями, что распространяют волнующие, волшебные ароматы: китайским калганом, гвоздикой, кубебой и сладкой корицей. А совсем рядом торговцы съестными припасами установили палатки и бочки, где можно было купить только что пойманных миног и селедку, такие редкие деликатесы, как имбирь, сахар и перец, кувшинчики с горчицей из Ломбардии, а также буханки сдобного белого хлеба, на каждой из которых красовалось клеймо булочника. Рядом с ними какой-то коробейник, завлекая домохозяек, бойко торговал медными кастрюльками и большими блюдами. Неподалеку пристроился и аптекарь, пытавшийся привлечь внимание женщин своими примочками для синяков и кровоподтеков, драконовой водой и корнем ангелики. Он шепотом предлагал даже приворотные зелья, лукаво подмигивая при этом. Его негромкий голос заглушали крики соседа, который развернул на своем лотке штуки тонкой ворсистой шерсти и шелка, зазывая всех проходящих мимо остановиться и пощупать его нежнейшие лучшие ткани.

Но особенно большая толпа собралась вокруг чужеземных купцов, торговавших самыми невероятными товарами. Здесь можно было найти: черный лингит, привезенный из-за моря, который, если его нагреть, отгонял всех змей в округе; ткани еще более тонкие и дорогие, чем те, что предлагали фризские купцы; искусно выточенные кубки и драгоценные камни, которыми похвалялись смуглые византийцы; золотую вышивку, сработанную саксонскими умелицами в Англии. А прочие безделушки и ленты для подвязывания волос и вовсе было не сосчитать.

Герлева, заметив одну такую россыпь украшений, которую с жадным любопытством разглядывала под самым ее окном стайка девиц, машинально погладила тяжелую косу, ниспадавшую ей на грудь, спрашивая себя, а как бы выглядела вплетенная в волосы багряная лента и понравилась бы она сама в алом наряде милорду Роберту. Но потом женщина со вздохом призналась себе, что никто, даже такой пылкий возлюбленный, как милорд граф, не нашел бы сейчас в ней ничего привлекательного. Герлева пребывала на последнем месяце беременности, а милорд граф, как назло, находился очень далеко от нее, в Руане, при дворе своего отца, славного герцога Ричарда Нормандского. Ей хотелось, чтобы схватки наконец начались, а роды поскорее закончились, и тогда она смогла бы вновь подняться на крутую скалу, к замку, словно гнездо ласточки при-

лепленному на одном из утесов. Женщина крикнула бы стражникам, и те отворили бы ворота: отворили их перед ней, Герлевой Прекрасной, дочерью Фулберта, знатного горожанина Фалеза, и возлюбленной самого милорда графа Иемуа. Взгляд ее непроизвольно устремился к замку, который едва виднелся отсюда над крышами приземистых деревянных городских домов, полускрытый деревьями, словно карабкавшимися вверх по склону.

Герлева задумчиво выпятила нижнюю губку, представляя себе высокомерных дам при дворе в Руане. Она чувствовала себя несправедливо забытой, никому не нужной и уже готова была пожалеть себя, когда внимание ее привлекла труппа бродячих менестрелей, устроивших целое представление рядом с домом Герлевы. Они пришли на рынок в надежде заработать несколько монет от самых юных и беззаботных зевак, а если уж очень повезет, поужинать остатками со стола какого-нибудь богатого бюргера. Один из менестрелей затянул популярную балладу, подыгрывая себе на лютне, жонглер же принялся подбрасывать в воздух тарелки и мячи, ловя их один за другим, все быстрее и быстрее, пока глаза Герлевы не округлились от изумления.

Из окна горницы женщина видела палатку своего отца Фулберта с развешанными в ней мехами, а также брата Вальтера, торгующегося с каким-то бюргером по поводу стоимости отличного ковра из шкурок куницы. Рядом с ними остановился странствующий торговец, разложивший на зависть нескольким девицам блестящие украшения. Будь здесь граф Роберт, подумала Герлева, он непременно купил бы своей возлюбленной браслет с золотой чеканкой, который коробейник так нахваливал покупательницам.

Воспоминания о милорде графе окончательно огорчили женщину, и она отошла от окна, утомленная шумом под ним, начавшим изрядно раздражать ее.

Деревянная дверь в дальнем конце горницы выходила прямо на витую лестницу, спускающуюся в зал, — главное жилое помещение дома. Мать наверняка уже готовит ужин для Фулберта и Вальтера, но Герлева не собиралась сходить вниз и помогать ей. Возлюбленной сына герцога Нормандии, подумала она, не пристало возиться с горшками и сковородками.

Шаркающей походкой женщина пересекла горницу, цепляя боковыми ногами связки тростника, рассыпанного по полу, и прилегла на

кровать у стены, накрытую шкурами. Это была кровать, достойная самой герцогини, сработанная из хорошего дерева и застеленная медвежьей шкурой, которая, как нехотя признал Фулберт, больше подошла бы графу Роберту, чем его *mie*¹. Герлева потерлась щекой о длинный мех и погладила его маленькой горячей ладошкой, думая о графе Роберте и о том, как он смешно называл ее своей принцессой.

А снаружи солнце медленно тонуло в болотистых пустошах, раскинувшихся за городом. Золотой лучик прокрался сквозь ивовую решетку и уперся в изножье кровати, отчего бурая медвежья шерсть заискрилась червонным золотом. С площади внизу по-прежнему долетал неумолчный гул, изредка прорезаемый смехом, пронзительными криками и стуком копыт, но и он, по мере того как надвигался вечер, становился тише, обещая вскоре окончательно стихнуть. Крестьяне из окрестных сел уже спешили покинуть Фалез, чтобы добраться домой еще засветло; странствующие торговцы начали собирать свой товар; под окном потянулся нескончаемый поток мулов и вьючных лошадей, направлявшихся к городским воротам.

Размеренный стук копыт навевал сонливость, поэтому Герлева смежила веки; еще немного покрутившись в постели, она в конце концов погрузилась в беспокойный сон.

Постепенно солнечный луч померк, и в сгущающихся сумерках утонули отголоски звуков. Вот мимо дома в поводу прошла последняя вьючная лошадь; городские торговцы запирали ставни и двери, сравнивая свою дневную выручку с заработком соседей.

Проблески заката угасли окончательно, и в горницу просочилась ночная прохлада. Герлева, вздрогнув, застонала — сон ее выдался тревожным и необычным.

Ей снилось, что она лежит, а из лона ее вырастает дерево, превращаясь в настоящего исполина, раскинувшего в разные стороны могучие ветви, похожие на сильные, цепкие руки. И вдруг она поняла, что видит перед собой Нормандию, всю, до самых дальних ее уголков, от Котантена до Э². Узрев бурное море стального цвета, женщина испугалась и вскрикнула. Крик прозвучал приглушен-

---

¹ *Mie* (фр.) — милая, душечка; здесь: любовница.

² Э — старинный город в северной Франции, на востоке Верхней Нормандии, у границы с Пикардией; центр одноименного кантона департамента Приморская Сена.

но, однако на лбу у нее выступили крупные капли пота. За морем лежала земля; Герлева видела ее совершенно отчетливо и догадалась, что это — Англия. И вот, охваченная страхом, вся в поту, женщина вдруг заметила, как ветви дерева становятся длиннее и длиннее, вот они уже накрыли собой и Англию, и Нормандию.

Женщина пронзительно вскрикнула и села на постели, прижав обе руки к глазам. Лицо ее было мокрым от страха; она смахнула пот ладонью и, сообразив, что ее разбудил кошмар, огляделась по сторонам.

В дверях, держа в руке лучину, стояла ее мать, Дуксия.

— Ты закричала так громко, что тебя было слышно даже внизу, — сказала Дуксия. — Я решила, у тебя начались схватки, а ты, оказывается, спишь.

Герлева вдруг поняла, что дрожит от холода. Поспешно натянув на плечи медвежью шкуру, она окинула мать отсутствующим взглядом и негромко сказала:

— Мне приснилось, будто из моего лона выросло дерево, матушка, а не ребенок.

— Да, да, — отозвалась Дуксия, — всем нам в твоем положении снились кошмары, дочь моя.

Но Герлева лишь плотнее закуталась в шкуру, сцепив ладони на груди.

— Пока я лежала, — приглушенным голосом продолжала она, — передо мной простерлись две страны: наша Нормандия, во всей своей красе и мощи, и земля английских саксов, по ту сторону серой воды. — Выпустив край шкуры, она указала рукой в ту сторону, где, по ее мнению, находилась Англия. Медвежья шкура соскользнула с плеч женщины, однако холод, похоже, теперь не тревожил ее. Герлева вперила в Дуксию немигающий взгляд глаз, злоеще поблескивавших в мерцающем свете лучины. — А дерево, которое выросло из моего лона, раскинуло огромные ветви, напоминающие руки, которые мертвой хваткой вцепляются во все, до чего могут дотянуться, и они протянулись по обе стороны от меня, пока не накрыли своей тенью Нормандию и Англию.

— Что ж, сон и впрямь странный, — ответила Дуксия, — но там, внизу, твой отец садится ужинать, и если ты не поторопишься, то похлебка остынет.

Однако Герлева, сидя на постели, не шелохнулась, и Дуксия, войдя в горницу, заметила: на лице дочери проступило какое-то